

88.3

С. К. ЖАКУПБЕКОВ

ПЕРВАЯ ФАБРИКА КАЗАХСТАНА

КАЗАХСТАН

С. К. ЖАКУПБЕКОВ

**ПЕРВАЯ
ФАБРИКА
КАЗАХСТАНА**

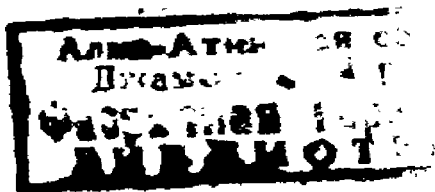
(история Каргалинского суконного комбината)

Алма-Ата
«Казахстан»
1989

ББК 63.3(2К)7—24
Ж 22

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор А. С. Курманбаев;
доктор исторических наук С. Абдулпаттаев

Жакупбеков С. К.

Ж 22 Первая фабрика Казахстана (история Каргалинского суконного комбината).— Алма-Ата: Казахстан, 1989.— 112 с. + 12 стр. вклейки.

Освещается история Каргалинского суконного комбината, основанного в 1910 году и превратившегося ныне в одно из крупных предприятий легкой промышленности. После революции, в 20—30-е годы и в последующие периоды он являлся наряду с предприятиями других отраслей кузницей подготовки национальных кадров советского рабочего класса республики.

Ж $\frac{0505040000-100}{401(05)-89}$ —18—88

ББК 63.3(2К)7—24

ISBN 5—615—00018—X

© Издательство «Казахстан», 1989

Выпущено по заказу Каргалинского суконного комбината, 1989

ТАК БЫЛО ДО ОКТЯБРЯ

Что представляла собой легкая промышленность в до-революционном Казахстане? Ее по сути дела почти не было. Мелкие кустарные заведения даже при богатой фантазии трудно было назвать предприятиями. Господствующие классы России, царизм и его колонизаторский аппарат не были заинтересованы в развитии в степном краю обрабатывающих отраслей.

Несмотря на узкоклассовые позиции колониальных чиновников и местной знати, вопреки их желаниям, Казахстан втягивался в систему российского капитализма, а через него — в мировой товарооборот. Постепенно развивались производительные силы края — возникала горнозаводская промышленность, создавались предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья, прокладывались железные дороги. И на основе этого формировался местный пролетариат.

Одним из очагов промышленного развития была Каргалинская суконная фабрика. Для ее появления имелись все необходимые условия. В начале XX века Казахстан, и в частности его южная часть (Жетысу), славился обилием шерсти. Спрос на ткани здесь был большой, а ограниченный завоз их из центральной России не мог удовлетворить потребность. Продукция местных кустарей, перерабатывающих мизерную часть шерсти, в основном шла на их личные нужды. Лишь в ничтожном количестве она поступала на рынок. Таким образом, создание в Семиречье суконной фабрики сулило большие выгоды. На это не могли не обратить внимания предприимчивые дельцы — любители больших барышей и наживы. Верненский купец С. Шахворостов и владелец конного завода Ф. Пестов решили построить фабрику. Для строительства выбрали урочище Каргалы на левом берегу одно-

именной горной речки, в 50 километрах от города Верного. В декабре 1908 года Шахворостов и Пестов арендовали на 30 лет у местных баев участок площадью в 4 гектара с условием ежегодной платы за него 40 рублей.

Фабрику предстояло строить на голом месте, вдали от железных дорог. Не хватало стройматериалов, квалифицированных рабочих, специалистов. Техническое оборудование приходилось доставлять за тысячи верст — из центральной России. Громоздкие грузы шли гужевым транспортом, по бездорожью, с черепашьей скоростью. Основную массу строителей составляли местные жители: бедняки из русских переселенческих деревень и разорившиеся казахские шаруа. Квалифицированные рабочие и специалисты (строители и эксплуатационники) приехали из Симбирской губернии. В 1909 году приехали 8 мастеров и 10 квалифицированных рабочих. Среди них: П. Бирюков, К. Бирюков, М. Георги, Т. Золин, Ш. Ефесов, Т. Ломакин, В. Федотов и другие. Их по праву можно назвать родоначальниками предприятия.

Строительные материалы везли месяцами, а заказчики торопили подрядчиков. Поэтому рабочие трудились до изнеможения. Новоявленные фабриканты и тут стремились с рубля получить два, а то и больше.

К концу 1909 года строительство закончили. Возвели главный производственный корпус, служебные и складские помещения, жилой барак, баню. Смонтировали водяную турбину, оборудовали аппаратное, ткацкое, отделочное, красильное и сушильное отделения, установили два аппарата для выработки ровницы, три селфактора по 350 веретен для кручения и 20 ткацких станков. Все это приводила в движение турбина мощностью 250 лошадиных сил.

Фабрика строилась по образцу суконных предприятий европейской части России. Однако по состоянию материально-технической базы, энерговооруженности и обеспеченности кадрами она не могла равняться с ними. По тогдашним российским масштабам это было предприятие средних размеров. Основные фонды оценивались в 378 тысяч рублей, в том числе производственные — в 167 тысяч рублей. Фабрика была пущена в январе 1910 года с расчетом на ежегодное производство 200 тысяч аршин бобрика, сукна гладкого и фасонного под трико. Тут-то и выявились многочисленные ошибки и прорехи.

При строительстве были грубо нарушены многие нормативы из-за стремления хозяев удешевить дело, получить солидную прибыль при небольших затратах. Поэтому основные цехи расположились непоследовательно, прохождение сырья и полуфабриката по технологическим операциям удлинялось в 3 раза. А силовая станция оказалась мощностью не в 250, а только в 90 лошадиных сил. Отрадным было лишь то, что сырья хватало вполне. Край славился обилием высокосортной шерсти! Особенно — южный регион. В конце каждого заготовительного сезона предприятие имело двухгодичный запас.

Химические красители, кордоленты, ремни, запасные части к машинам получали из Москвы и Ташкента, однако с частыми перебоями. Естественно, что в работе нередко наступали сбои.

Формирование ядра рабочих и технических кадров суконной фабрики началось одновременно со строительством. Его составляли мастера из русских и татар. Квалифицированными рабочими постепенно становились и местные жители — казахи. После пуска на фабрику потянулись разорившиеся кустари, социальные низы города. Всем им, особенно казахам, нелегко было привыкнуть к изматывающему ритму фабричной жизни.

В годы империалистической войны на фабрике насчитывалось 196 рабочих, 66 процентов из них уже были казахской национальности. Остальные — русские, татары, узбеки и киргизы. 15 процентов рабочих составляли подростки. Прослойка квалифицированных специалистов составляла лишь 18 человек. Для ведения текущих дел и учета владельцы содержали 8 служащих. Основная масса не владела грамотой, не имела технической подготовки. Да и мастера в основе своей были практиками.

Один из первых рабочих фабрики К. Бейсеуов вспоминал, что полная неграмотность, незнание русского языка очень затрудняли изучение приемов работы. Но многие проявили желание овладеть как языком, так и навыками в труде. В этом им оказывали помощь Г. Батыршин, П. Бирюков, В. Федотов, Ш. Ефесов и другие. Среди первых казахов, обучившихся суконному производству, были А. Аргынбаев, К. Алмарекоев, И. Каскеленов, О. Илепов, Б. Қартанганов, С. Насыров, Т. Байтуов, А. Талдыбаев, Ж. Бейсеуов и другие.

Формирование рабочих кадров местных суконщиков в дореволюционный период имело ряд особенностей, свя-

занных с историческими условиями развития края. Одна из них — вековая преемственность основной массы казахов к кочевому образу жизни. Мешали также межродовые отношения, тормозившие прогресс почти сплошная неграмотность. В этой связи крайне затруднительной задачей было готовить индустриальных рабочих из местного населения. Связь со степью, личное хозяйство держали крепко. Поэтому большей частью пролетариат формировался из людей разных национальностей — донских переселенцев и городской бедноты. В те далекие годы они закладывали основу дружбы народов в этом отдаленном и малообжитом крае.

После революции 1905 года обстановка в стране была далека от благополучной. Поэтому владельцы фабрик уделяли большое внимание настроению рабочих. К приему новичков относились осторожно. В широком ходу были рекомендации политически благонадежных. Чтобы держать людей в повиновении, хозяева и их прислужники стремились вносить раскол в рабочую среду, сеять межнациональную неприязнь. Обычным явлением было «подкармливание» рабочей верхушки — эдакой пролетарской аристократии. Ее подкуп считался обычным делом. А подозреваемые в неблагонадежности нещадно изгонялись. Тут для владельцев не существовало никаких преград и ограничений.

Каргалинским рабочим приходилось трудиться в исключительно плохих условиях. В производственных помещениях, построенных наспех, без учета гигиены и санитарии, царили теснота и сырость. В облаках не оседающей густой пыли трудились с раннего утра и до глубокой ночи — по 14—16 часов в сутки. Нудный, изнурительный, подчас непосильный труд изматывал силы людей, калечил их. Не то что вентиляции, в помещениях не было обыкновенных форточек. Машины стояли без ограждений, поэтому обычными явлениями были травматизм и увечья, а то и гибель.

Никаких мер по соблюдению техники безопасности и охране труда не принималось. О страховании не было и речи. Такие «блага» фабриканты считали непозволительной роскошью. О тех мрачных временах старейший рабочий фабрики Т. Дубровин вспоминал: «Поступил я на фабрику 12 лет. Месяц проработал бесплатно, потом положили 3 рубля жалованья. Был присучальщиком, затем перевели старшим рабочим — на два года. За это

время хорошему чему-либо научиться не пришлось: мастера почти не допускали до машин». А один из первых мастеров В. Федотов добавлял: «Условия были адские, а платили гроши. Денег не хватало даже на самые обычные расходы».

Люди на сделыщине зарабатывали от 16 до 20 рублей в месяц, а гавреманцы — в среднем из казахов — от 3 до 8 рублей. На мойке шерсти начислялось за 12 часов по 25 копеек. Даже старейшие рабочие Ж. Бейсенов и О. Илепов (в 1937 году они стали передовиками-стахановцами) получали в дореволюционные годы по 5—8 рублей в месяц. Часть мизерного заработка хозяева удерживали в виде различных штрафов. Таким образом, многие вообще оставались без средств к существованию. Задавленные поборами, они каждый день ждали наказания за малейшую провинность и непослушание. Например, в расчетной ведомости за июль, сентябрь и октябрь 1917 года указывалось, что рабочие Т. Молтаев, К. Бейсенов, И. Абалдинов, К. Ошакбаев и другие оштрафованы на сумму от 1 до 5 рублей. Рабочим, большая часть зарплаты которых удерживалась в виде штрафов, владельцы фабрики давали в долг, размеры которого постоянно росли. Не имея возможности погасить задолженность, работники влезали в хроническую кабалу. Некоторые не смогли сбросить это ярмо до Октября 1917 года.

Тяжелыми до революции у каргалинских рабочих были и бытовые условия жизни. Особенно — жилищные. Ничтожное число их обеспечивалось крышей над головой. Ведь квартиры представлялись, как правило, фабричным служащим, мастерам и лишь иногда квалифицированным рабочим в длинном бараке, располагавшемся рядом с фабричным корпусом. Эти клетушки, отделенные одна от другой тонкими перегородками, навряд ли можно было назвать квартирами. Грязь, сырость, скученность... Вдобавок — клопы, тараканы. Недаром же барак в народе метко окрестили «шахворостовской максимкой». Часто тут были пьянки, драки, картежные игры. Больше всего от этого страдали жены и дети.

Рабочим коренной национальности вообще жилье не предоставлялось. Зимой — в стужу, летом — в зной они обитали в юртах. Иные холили на работу из аула: ежедневно за 5—7 километров. Опаздывали, обмораживались, а в результате — штрафы, штрафы... Столь же

плачевными были и другие стороны быта рабочих. Одежда — крайне убогая, сшитая кустарным способом из дешевых материалов. Питались рабочие по принципу «по одежке протягивай ножки». Столовая, сколько-нибудь организованное снабжение продуктами и товарами не были предусмотрены. О каком-то культурном досуге и медицинском обслуживании и думать не приходилось.

В обращении чиновников из администрации с народом грубость, оскорбления, издевательства считались нормой. Однажды мастер С. Шошенко без всякой причины грубо выругал и ударил рабочего Токтаулстова. Защищаясь, тот схватил палку. Мастер убежал, а затем пожаловался управляющему. Рабочего оштрафовали и пригрозили увольнением. Рабочего В. Яковенко, который доложил мастеру о перебоях в работе машины, этот же мастер выругал и побил. Жаловаться было некому... Боясь лишиться куска хлеба, люди мирились со своим бесправным положением. Но год от года копилась ненависть против владельцев фабрики и их прихлебателей — мастеров-кровососов.

...Дешевизна, изобилие рабочих рук, богатые сырьевые ресурсы и наличие рынка сбыта позволяли с каждым годом наращивать выпуск продукции. Вскоре потенциал фабрики превзошел все прогнозы. К 1913 году она почти достигла проектной мощности, выпустив 193,5 тысячи аршин сукна. Для расширения рынка сбыта в 1914 году в Верном была открыта мастерская по пошиву одежды. Ассортимент ее — более 50 видов изделий. С началом империалистической войны фабрика начала вырабатывать серошинельное сукно для нужд армии. На местный же рынок не поступало почти ничего.

В дореволюционное семилетие предприятие выпустило 1268,5 тысячи аршин сукна. Если объем продукции за 1911 год взять за 100 процентов, то вплоть до начала войны был заметен рост производства. В 1914 году выпуск сукна вырос более чем в 3 раза и в последующие годы оставался высоким. О чем это говорит? Прежде всего, о чрезмерной производственной нагрузке. В период войны, чтобы выполнить государственные заказы и часть продукции «выбросить» на свободный рынок, владельцы фабрики выжимали и из машин, и из рабочих мыслимое и неммыслимое. Лишь бы прибыли оставались высокими, лишь бы потуже набить карман.

Империалистическая война принесла огромные стра-

дания прежде всего простым труженикам. Она поглощала людские жизни и материальные ресурсы. В страшный упадок пришли экономика, материальный уровень людей. Казахских трудящихся мобилизовали на тяжелые тыловые работы, но землю рыли не все. Аульные богачи, давая взятки, избавляли от этого своих сынков. Только по разверстке местных властей по Верненскому уезду были мобилизованы 9 тысяч молодых казахов. Это переполнило чашу народного гнева против царских чиновников и местных баев. Трудящиеся Семиречья, как и всего Казахстана, подняли восстание. Одним из очагов его был район, где располагалась Каргалинская суконная фабрика. В начале августа 1916 года в горах, в урочище Курты Бастай, собрались повстанцы, которых возглавил смелый джигит по имени Бекболат. Из окрестных аулов к нему пришли те, кто решился на борьбу против тирании. К повстанцам присоединилось более 80 рабочих-казахов суконной фабрики.

К началу августа в отряде Бекболата насчитывалось до 500 человек. Они намеревались спуститься с гор и выйти в долину Жангиз-Аяк. В условленном месте к ним должны были присоединиться казахи Моинкумской и Сарыкумской волостей. Но этим планам не суждено было осуществиться. Подосланные властями агенты сообщили карателям о замысле повстанцев. Начался разгром. В середине августа уцелевшие повстанцы спустились с гор. В урочище Ушконыр их настигли каратели и подвергли жестокой расправе. Так закончился всплеск народного гнева в районе Каргалы. Несмотря на поражение факт открытого вооруженного выступления казахских крестьян и рабочих суконной фабрики имел большое политическое значение. Он показал, что свобода завоевывается нелегко. Для этого необходима организованная, наступательная борьба всех трудящихся. В этой борьбе именно рабочие должны играть руководящую роль.

Ввиду отдаленности от городов Казахстана и Средней Азии, культурной и политической отсталости рабочих и низкого уровня их политического сознания Каргалинская суконная фабрика не могла играть роль регионального очага революционного движения. До Октябрьской революции здесь не было не только партийной ячейки или группы, но и профсоюзной организации. Однако нараставшее недовольство и возмущение рабочих при-

работы и формированию у них революционного настроения. Они с радостью встречали каждую весть об успехах революционной борьбы в центре России. Когда 17 апреля 1917 года в фабричный поселок пришло известие из Вердского о свержении царского самодержавия, оно всколыхнуло рабочие ряды. Появилась реальная уверенность в том, что кончились мрачные времена царизма, что жизнь переменится к лучшему.

Но и после этого положение на фабрике оставалось прежним. Только с приходом Советской власти Каргалинская фабрика вступила в новый этап своего развития.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ ФАБРИКИ

Изношенность оборудования, нехватка рук и сырья — все это оборачивалось в тот период невероятными трудностями. Но каргалинские текстильщики продолжали выпуск продукции, значительная часть которой передавалась на нужды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Так, в мае 1918 года командир боевого отряда М. Федирко получил с фабрики для своего подразделения 530 аршин бобрика и 970 аршин серошинельного сукна.

Глубокие социально-политические перемены, пришедшие с победой Октябрьской революции, подняли у рабочих активность и инициативу, способствовали повышению политической сознательности. Вскоре после Октября на фабрику приехали представители верненских большевиков. Они говорили о тех задачах, которые надо решать коллективу. Прежде всего — наладить бесперебойный выпуск продукции. Многие тогда просили записать их в большевики.

Что же в тот период представляла собой фабрика, какое наследство досталось Советской власти? Состояние предприятия было отчаянно тяжелым. Половина чесальных и прядильных машин вышла из строя. Плотина на речке Каргалы, воды которой крутили турбину, во многих местах оказалась подмытой. Остро не хватало запасных частей — канатов, ремней, лент. Складские помещения для сырья пустовали. Предстояло все начинать чуть ли не с нуля.

25 июня 1919 года Семиреченский областной Совет народных комиссаров принял постановление о национа-

зации фабрики. Ее куратором стало управление Семи-реченского облпрофсовета. Предприятию присвоили имя Профинтерна. Вскоре был создан фабком, которому изменили в обязанность управление делами. В конце 1919 года фабрика перешла в ведение Семиреченского областного СНК.

Тот период был очень трудным и в центре России, и на окраинах. На значительной части территории Казахстана бушевало пламя гражданской войны. Несмотря на угрозы контрреволюционеров, каргалинские текстильщики работали с предельным напряжением: без выходных дней, в две смены. Рабочие сами заготавливали топливо, ремонтировали машины. Они изыскивали и использовали любые возможности для увеличения выпуска продукции. Несмотря на огромные трудности, за 1918—1920 годы было произведено 321,2 тысячи аршин серо-шинельного сукна для Красной Армии¹. Вооруженную охрану территории несли сами рабочие. А остерегаться было кого. Ведь в Верном в то время стояли белые. Они дознались, что фабрика выпускает сукно для Красной Армии и послали туда отряд с обозом, который должен был вывезти сукно, отобрать машины. А заодно арестовать большевиков. Перед Чемолганом (село неподалеку от фабрики) их встретили вооруженные рабочие и чемолганские бедняки. Сражение было неравным. К счастью, подошел на помощь отряд красноармейцев. Фабрика уцелела.

Империалистическая, а затем и гражданская война нанесли огромный урон промышленности Казахстана. Многие предприятия, разрушенные и разоренные, стояли в бездействии. Другие давали мизерное количество продукции. Например, в 1920 году, по сравнению с 1913-м, выход ее по Казахстану составил всего 11,6 процента. По стране — еще ниже — 9,4. «...Разорение, нужда, обнищание...» — так охарактеризовал В. И. Ленин положение страны в это время².

Каргалинская суконная фабрика хоть и не была разрушена, но оказалась тоже в тяжелейшем положении. Из него надо было выходить в кратчайшие сроки. 25 октября 1920 года здесь организовалась партийная ячейка. В нее вошли 36 коммунистов, из них 32 — каза-

¹ Советская степь, 1925. 10 августа.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 120.

хи. Секретарем был избран Н. Мерлин. В начале 1921 года на предприятии начала действовать и комсомольская организация: 30 человек, половина из которых — юноши коренной национальности. Для работы среди женщин создали женотдел.

Опираясь на эти общественные организации, партийная ячейка возглавляла и направляла работу фабрики. По ее инициативе в конце 1920 года в Москву и Ташкент были командированы представители для приобретения самых необходимых запасных частей и материалов. Начался ремонт желоба, по которому раньше поступала вода на турбину. Рабочие сами вызывались помочь ремонтникам.

С 1921 года страна приступила к мирному труду. Имея в виду главную задачу, на которую нужно было обратить внимание, В. И. Ленин говорил: «Перед нами стоит теперь громадное поприще производительной работы, и мы должны направить все наши силы к тому, чтобы восстановить промышленность, дать одежду, обувь и продукты крестьянину, начав тем самым правильный обмен деревенского хлеба на городские продукты»¹.

Разрабатывая принципиально новую политику экономического развития страны, Коммунистическая партия большое внимание уделяла отсталым национальным окраинам, в том числе — Казахстану, где предстояло планомерно развивать социалистическую промышленность в соответствии с интересами страны. Упор делался на то, чтобы проводить промышленную политику с учетом местных условий и особенностей. Руководствуясь этим, местные партийные и советские организации взяли курс на восстановление и развитие в республике, наряду с горнозаводской промышленностью, предприятий по переработке сельскохозяйственного и животноводческого сырья. При этом упор был сделан на кожевенную и шерстяную отрасли. Стало быть, это прямо касалось и Каргалинской суконной фабрики. На ее продукцию не снизился спрос у населения как Казахстана, так и страны в целом. В поставке сукна и развитии суконного производства единственным центром в республике и во всей Средней Азии должна была стать Каргалинская фабрика.

В 1922—1923 годах на предприятии проводилась большая организационно-хозяйственная и политико-вос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 360.

питательная работа. Исключительную активность проявляли как члены партячейки, так и других организаций. В месяц проводилось по несколько заседаний фабкома, на которых разбирались вопросы производственного, трудового и бытового характера. Шел процесс формирования у работников фабрики социалистического отношения к труду. Изменялся его характер. Он стал оцениваться по достоинству, по вкладу исполнителей. Уже в 1923 году появились передовики производства: Г. Батыршин, К. Бирюков, Ф. Донцов и другие. Им первым вручили Почетные грамоты Джетысуйского облисполкома «Герой труда». Выдвинутый коллективом на должность технического директора старейший работник фабрики 74-летний Г. Н. Батыршин, получая грамоту, сказал: «Сколько я ни работал, сколько я ни старался, но при капиталистическом строе не мог заслужить к себе никакого внимания. И только рабочие, среди которых я родился, вырос, старался, оценили мой труд»¹. Казалось бы, небольшой эпизод, но он служит прекрасной иллюстрацией тех глубоких революционных процессов, приведших к усилению трудовой активности, самосознания, перестройке психологии трудящихся еще вчера отсталой окраины царской России.

Ростки нового самосознания проявлялись даже у самых когда-то отсталых, темных и забитых, изнуренных непосильным трудом людей. От того, что все теперь наше, общее, работа спорилась. Потому-то в 1922 году в сжатые сроки была проведена наладка и впервые за все время действия фабрики — генеральная чистка машин и основного технологического оборудования. Своими силами рабочие ремонтировали и вводили в строй бездействовавшие долгое время механизмы. Провели полную инвентаризацию материальных фабричных ценностей. Выяснилось, что основной капитал предприятия равнялся почти 183 тысячам рублей. Частичному расширению подверглись производственные помещения. Кроме того, построили школу, больницу и баню. Об этом до революции никто и не помышлял. Вот что дала рабочему Советская власть всего лишь за 5 лет! Это глубоко почувствовали и осознали трудящиеся.

Постепенно на фабрику возвращались те, кто с оружием в руках сражался на фронтах гражданской войны.

¹ Туркестанская правда, 1924. 12 августа.

В основном — высшие кадры. Укрепили состав технических работников. Большим праздником явилось заключение первого коллективного договора. Во всех цехах была введена сдельная оплата труда. Фабком вместе с администрацией фабрики провел ряд мер по улучшению быта и питания рабочих. Начала действовать школа по ликвидации неграмотности (ликбез) на казахском и русском языках. Центрами политико-воспитательной и культурно-массовой работы стали библиотека и клуб.

Рабочие, почувствовав заботу о них, показывали пример социальной и трудовой активности. С большим желанием принимали участие во всех политических, хозяйственных и культурных мероприятиях, живо интересовались ленинской программой строительства социализма, историей партии. Росла тяга к вступлению в ряды Коммунистической партии. Об этом ярко свидетельствует постановление общего собрания фабричных рабочих — членов союза текстильщиков — от 20 марта 1924 года, где записано: «Заслушав доклад об истории Коммунистической партии, рабочие 1-й государственной суконной фабрики имени Профинтерна с удовлетворением отмечают, что Коммунистическая партия является истинной защитницей трудящихся, а поэтому рабочие примут все меры к изучению ленинизма и вступлению в Коммунистическую партию, дабы продолжать дело товарища Ленина...»¹ В ряды партии принимались самые передовые производственники.

К концу 1926 года число коммунистов в партийной ячейке выросло до 59, а на 1 июля 1927 года — до 71 человека. Большинство коммунистов работали непосредственно на производстве, показывая пример ударного труда. По ним равнялись остальные. И, как логический результат, на фабрике неуклонно повышался уровень производственной отдачи. Почти парализованное, расшатанное разрухой предприятие заработало на полную мощь, обретя второе дыхание, добиваясь значительных успехов. В 1923—1924 годах было выработано 185,8 тысячи метров разного сукна, вместо 132 тысяч по плану.

Восстановление и развитие предприятия продолжалось и после того, как оно перешло в непосредственное ведение сперва Киргизского (Казахского) облторга,

¹ Алма-Атинский ОГА. Ф. 344. Оп. 7. Д. 120. Л. 27.

а затем — с августа 1925 года — Центрального совета народного хозяйства (ЦСНХ) Киргизской (Казахской) АССР. Единственному суконному предприятию региона уделялось повышенное внимание.

В 1925 году специальная комиссия Семиреченского губпрофсовета обследовала состояние фабрики. Доклад технического директора Г. Н. Батыршина по итогам проверки 27 июля был заслушан на заседании президиума губпрофсовета. Руководству, партийной, профсоюзной и комсомольской организациям указали на недостатки в организации производства и труда. Коснулся разговор и бытовых условий жизни рабочих. Губпрофсовет поручил фабкому и дирекции фабрики принять конкретные меры по этому вопросу. На создание необходимых жизненных условий наметили выделить не менее 10 процентов доходов фабрики. Дважды — 2 и 24 сентября 1925 года — Казкрайком РКП(б) обстоятельно рассматривал вопрос о работе фабрики. Особо подчеркивалось важное значение предприятия для Казахстана. Тогда-то и было рекомендовано КазЦСНХ и Семиреченскому губисполкому значительно расширить его — довести мощность до 300 тысяч аршин сукна в год. После этого местные партийно-советские организации стали уделять фабрике больше внимания. Они командировали своих представителей, чтобы оказать ее первичной партийной организации практическую помощь в проведении политико-воспитательной и культурно-массовой работы. На заседаниях бюро уездного и губернского комитетов партии заслушивались доклады секретаря партийной организации и директора. СНК и ЦСНХ республики изыскивали средства и направляли усилия хозяйственных организаций на расширение и укрепление предприятия.

А дела предстояли огромных масштабов. Надо было провести большую организационно-хозяйственную работу. Ведь фабрика с начала ее пуска работала без капитального ремонта. Техническое оборудование оказалось изношенным на треть. В связи с этим загрузка машин в 1925—1926 годах составляла не более 30—50 процентов. Давало знать наследие прошлого — варварская эксплуатация механизмов... Да и условия труда еще были далеки от удовлетворительных. Силовая установка, построенная без точных технических расчетов, не давала необходимой мощности. Люди остро нуждались в жилье. С трудом налаживались организация труда, нормирова-

ние и учет. Сказывалось отсутствие достаточного опыта у руководящего и технического персонала. Все это привело к тому, что в начале 1926 года фабрика оказалась в таком положении, что без полного восстановления и реконструкции не могло быть речи о дальнейшей ее эксплуатации. Назрела необходимость строительства дополнительных производственных помещений и установки в них новых машин и механизмов.

24 июня 1926 года на собрании членов Союза текстильщиков при фабрике был заслушан доклад нового директора И. Ф. Киселева¹. Собрание предложило дирекции усилить организационную работу по восстановлению, а также расширению производства. Особое внимание обратили на обучение с целью повышения квалификации рабочих. Собрание призвало коллектив принять активное участие в перестройке фабрики, в улучшении условий труда и быта.

В процессе восстановления заметно улучшилась организация труда, усилилась требовательность к рабочим, возросла их ответственность за порученное. Теперь каждый был обязан отработать по 8 часов в день. Получил «прописку» регулярный контроль за выполнением производственных заданий, налаживался учет. И, как итог, повышалась трудовая дисциплина. Перегруппировка позволила сократить число производственных рабочих на 44 человека. Нагрузка на машины поднялась с 50 до 80 процентов. Ассортимент вырабатываемой продукции был сокращен с 30 видов до 11. Мера эта была рискованная. Однако сократился выпуск неходовой, не пользующейся спросом продукции, которая приносила предприятию убытки. Сокращение ассортимента благотворно сказалось и на себестоимости товаров: отпускные цены снизились на 14 процентов.

За первые три месяца 1927 года фабрика выпустила 35 тысяч метров сукна, тогда как за тот же период год назад — 20 тысяч метров. А за шесть месяцев 1927 года потребители получили сукна на 4,8 тысячи метров больше плана. Хоть и не семимильные, но все же заметные шаги...

¹ Киселев И. Ф. — активный участник гражданской войны, установления и укрепления Советской власти в Казахстане, видный государственный деятель республики. В 1926—1929 годах — директор фабрики. Позднее возглавлял КазОГИЗ (ныне издательство «Казахстан»). Ушел на фронт и в 1941 году погиб на Калининском фронте.

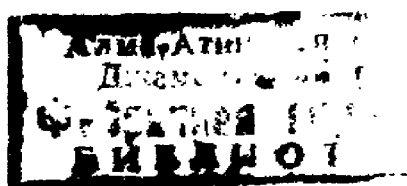
В мае 1927 года КазСНК утвердил наконец-то проект расширения фабрики. По нему предусматривались коренные изменения в размещении цехов. Они направлялись на то, чтобы максимально на 846 метров сократить цепочку прохождения сырья от машины к машине. К тому же намечались капитальный ремонт и реконструкция гидротурбины, дополнительные меры по улучшению условий труда и быта рабочих. На всю реконструкцию государство отпускало 135 тысяч рублей.

18 сентября 1927 года работа фабрики была приостановлена для полного восстановления и расширения. 110 текстильщиков, временно поменяв веретена и челноки на лопаты и мастерки, переквалифицировались в строителей. За 4 месяца было возведено два новых корпуса (аппаратный и щипальный) общей площадью 570 квадратных метров. Для переоборудования гидросиловой турбины построили новый подводящий водовод (лоток) и вырыли котлован для спуска воды. Старую и маломощную турбину демонтировали, установив другую. Заменяли и нефтяной двигатель.

Поскольку в процессе реконструкции потребовались дополнительные средства, государство пошло и на это. Общая стоимость работ в 1926—1928 годах составила 573,4 тысячи рублей. Зато все машины и остальное техническое оборудование прошли капитальный ремонт, что намного повысило их производительность. А главное, существенно усовершенствовалась технологическая увязка цехов. Однако выяснилось, что для полного устранения диспропорции в этом деле необходимо построить третий производственный корпус.

Меры по восстановлению и реконструкции фабрики заметно улучшили условия труда. В производственных помещениях появилась вентиляция, установили баки для питьевой воды и умывальники, улучшилось освещение. Ограждения машин стали непременным условием на рабочих местах. Только в 1928 году на улучшение техники безопасности и охраны труда израсходовали 10 тысяч рублей.

Чтобы повысить у рабочих трудовую активность, с середины 1928 года стали действовать цеховые и фабричные производственные комиссии. На производственных совещаниях решались вопросы увеличения выработки, снижения брака, повышения производительности труда. Такие совещания проводились регулярно с привлечением

широкого круга передовых производственников, партийных, профсоюзных и комсомольских активистов.

Все это способствовало устранению многих недостатков, улучшению организации труда, укреплению рабочей дисциплины. В период смотров (а они были нередки) проводилось соревнование за лучшую организацию рабочего места, уплотнение рабочего времени, за совершенствование производственного процесса, экономное расходование сырья и материалов, недопущение брака, снижение себестоимости продукции и повышение производительности труда. Впервые за все годы восстановительного периода производительность труда превысила довоенный уровень и составила 112 процентов¹. Все без исключения были охвачены политучебой в двух школах политграмоты. В марте 1928 года организовался кружок по изучению марксизма-ленинизма. При клубе теперь была солидная библиотека, постоянными читателями которой стали многие производственники. Большинство рабочих и служащих выписывали газеты и журналы. На фабрике не переставали действовать две школы по ликвидации неграмотности. Только программа в них была сейчас шире и сложнее. Многие посещали кружки: текущей политики, спортивные и художественной самодеятельности. Для рабочей аудитории и служащих читались лекции, доклады, проводились беседы на самые актуальные и животрепещущие темы. Это помогало текстильщикам освободиться от пережитков прошлого, формировало марксистско-ленинское мировоззрение и миропонимание.

Реконструкция и расширение производственной деятельности фабрики, а также политико-воспитательная и культурно-массовая работа среди текстильщиков проводились при активном участии профсоюза, комсомола, женотдела. Во всех начинаниях застрельщиками были именно активисты этих организаций. 64 коммуниста и 45 комсомольцев работали на производстве, ударным трудом показывали пример.

В деле реорганизации производства огромное значение имел кадровый вопрос. Рабочие, трудившиеся со дня основания фабрики, были неграмотны, что мешало им получить высокую квалификацию. Ею владели лишь 2—3 из 50 ткачей². Из-за отсутствия нормальных быто-

¹ Джетысуйская искра, 1929. 13 января.

² Там же.

их условий люди не закреплялись, обычной была большая текучесть. Мастера, приехавшие сюда еще до революции, не имели специального образования, являлись практиками. На фабрике должность техника даже в 1924 году занимал человек, имевший весьма отдаленное представление о суконном производстве. Не было ни одного инженера. Поэтому с самого начала восстановительного периода вопрос о кадрах стоял чрезвычайно остро. Приступая к восстановлению и тем более к расширению производственных мощностей, необходимо было одновременно решать и эту проблему.

И вот, начиная с 1926 года, принимается ряд мер по повышению квалификации рабочих. Для этого проводятся разборы сложных приемов труда. Новичков стараются закреплять за опытными производственниками, знаками своего дела. Периодически проводятся расширенные технические совещания. При фабрике для молодых рабочих организовали школу по изучению теории и практики шерстяного производства. С 20 ноября 1927 года на предприятии стала действовать и двухгодичная школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) для подготовки квалифицированных рабочих-текстильщиков, где обучались 14—17-летние подростки: русские, казахи, ребята других национальностей. По социальному статусу 36 процентов учащихся были детьми рабочих, 40 — крестьян-бедняков. Почти все «фэзэушники» были томсомольцами.

Для подготовки квалифицированных рабочих молодежь направляли на учебу или прохождение производственной практики в центральные районы страны. В конце 1927 года на Старо-Тимошкинскую суконную фабрику Ульяновскую губернию были командированы 47 подростков-казахов для обучения текстильному делу. Через год они возвратились, получив определенные знания и навыки. Потом и сами становились наставниками. Вот что по этому поводу сообщала партийная организация Старо-Тимошкинской суконной фабрики в своем письме КазЦСНХ: «Вами были посланы ученики для обучения текстильному делу. Учеба идет хорошо, настроение учащихся хорошее. По истечении 5 месяцев ученики уже могут работать на станках самостоятельно. В ткацком же работают на станках, давая выработку качественно, как и рабочие»¹.

¹ ЦГА КазССР. Ф. 787. Оп. 1. Д. 2003. Л. 86.

Подростки из Казахстана также проходили производственную практику или обучались в ФЗУ Москвы, Иванова. Многие из них потом до самой пенсии честно и добросовестно трудились на Каргалинской суконной фабрике.

Немало внимания уделялось в эти годы улучшению жилищно-бытовых условий рабочих. В 1927—1928 годах построили восемь домов, в которые поселили остро нуждающихся. Обеспеченность предприятия жильем поднялась до 60 процентов. На территории поселка открыли столовую, прачечную, детские ясли. Неуклонно улучшалось снабжение рабочих продуктами питания и промтоварами. Лучшим специалистам, ударникам труда, нуждающимся в лечении, было выделено 14 путевок в республиканские и союзные санатории, из них 11 — бесплатные.

Повышалась заработная плата. Если в 1924 году средний месячный заработок рабочих составил 35 рублей, то уже в 1928 году он поднялся до 44 рублей 43 копеек, вырос почти на 27 процентов. Рост зарплаты происходил при повышении производительности труда за этот же период на 33,5 процента. Так что одно взаимно увязывалось с другим, это привело к заметному улучшению условий работы и жизни трудящихся, сокращению текучести. Большинство текстильщиков прочно закрепилось на производстве. Они стали постоянными кадровыми рабочими, костяком, ядром предприятия, его золотым фондом. Если в 1913 году на фабрике работало 160, то в 1925—1926 годах — 188, а два года спустя — 210 человек. Половина из них были казахи, 80 — русские, остальные 25 — других национальностей. Специфика производства была такова, что 88 процентов рабочих составляли женщины.

Среди рабочих большой удельный вес падал на тех, которые имели пять и более лет производственного стажа. Так, в 1926—1927 годах число проработавших 5—10 лет составляло 31,5; 10—15 лет—20,3; свыше 15 лет — 5,6 процента. Это говорит о том, что две трети работающих имели солидный стаж в шерстяной промышленности. Они-то и составляли основную массу, сформировавшую костяк фабрики. Однако среди них было немало таких, которые частично продолжали заниматься сельским хозяйством, не теряя связи с селом и аулом. По данным на 1 сентября 1926 года, только 25 процентов

рабочих являлись чисто промышленными. Остальные же — наполовину мелкими собственниками: крестьянами окрестных сел и аулов. Это, естественно, сказывалось отрицательно на росте квалификации. Те, которые занимались и сельским хозяйством, были, как правило, недостаточно квалифицированными. В сознании многих из них преобладали «крестьянские настроения», пережитки, которые сдерживали трудовую и политическую активность, мешали росту их сознательности. Не они, а те 25 процентов составляли крепкое ядро и играли ведущую роль в фабричной жизни, делали погоду, ведя за собой остальную, массу, помогая переделывать «полусельчан» в кадровых, квалифицированных специалистов.

Все работы по модернизации фабрики к 15 октября 1928 года были завершены. Предприятие начало заметно прибавлять в выпуске продукции. Некоторый сбой случился лишь к концу года. На то были свои объективные причины. Объем продукции уменьшился в связи с тем, что фабрика из-за капитального ремонта не работала 115 дней. Это сказалось и в дальнейшем. Несмотря на значительный рост объема выпускаемой продукции, предприятие в тот год все же не достигло довоенного уровня производства. Объем производства сукна за годы восстановительного периода составил 63,3 процента от показателя дореволюционного периода. Но постепенно фабрика выходила из вынужденного отставания.

Благодаря строгой сортировке шерсти, улучшению отделки и окраски поднялось качество вырабатываемого сукна. В связи с введением нового порядка приема готовой продукции с участием администрации, технического персонала, штаба мастеров, уменьшилось количество брака. Если в апреле 1926 года было забраковано 269 готовых кусков сукна, то в сентябре того же года — 174, а в 1927 году брак составил лишь 3,5 процента всей продукции. Вот потому-то с каждым годом рос спрос на каргалинское сукно. До 1926 года оно сбывалось только через Казторг и оптово-розничный магазин в Алма-Ате. А с начала 1928 года фабрика реализовывала свою продукцию и по гендоговорам. Раньше каргалинское сукно почти не выходило за пределы Семиречья. С 1927 года стало сбываться не только по всему Казахстану, но и вывозиться в Москву, на Украину, в Среднюю Азию и Сибирь.

Многие годы фабрика была убыточной. После того, как ее окончательно закрепили за КазЦСНХ, началось полное ее восстановление, она стала выходить в рентабельные. В 1925—1926 годах было получено 84,4, год спустя — уже 182 тысячи рублей прибыли. 11 апреля 1928 года бюро Семиреченского губкома ВКП(б), заслушав доклад директора И. Ф. Киселева, отметило, что в результате проведенных работ по восстановлению, фабрика укрепилась и расширилась. Вместе с тем губком обратил внимание на то, что темп переоборудования продолжал оставаться недостаточным. Теснота в цехах, неправильное размещение, неувязка производительных мощностей были устранены не полностью, устанавливалось оборудование старого типа. Отсюда — недогрузка машин. И руководство, и рабочие ясно понимали, что следует заменить безнадежно устаревшую технику. Никакой ремонт не был в состоянии восстановить ее до начальных параметров. Замена оборудования была необходима еще и потому, что в перспективе надлежало превратить фабрику в крупный центр шерстяной промышленности Казахстана. Но где его взять, если тяжелая промышленность пока не способна удовлетворить спрос многочисленных предприятий, на которых станки и механизмы дышали на ладан? Так что о социалистической реконструкции и дальнейшем подъеме всего народного хозяйства, в том числе легкой промышленности, невозможно было и думать без широкого развития тяжелой индустрии. В индустриализацию вовлекались все районы страны, в том числе и Казахстан, который располагал для этого огромными ресурсами. Открывалась широчайшая перспектива промышленного развития. Создавались благоприятные условия для становления на новые рельсы и Каргалинской суконной фабрики.

ДОВОЕННЫЕ ПЯТИЛЕТКИ

Конец 1928 года ознаменовался в нашей стране важным историческим событием — началом первой пятилетки. Это была грандиозная программа развития народного хозяйства. В первую очередь — его индустриальной базы. Основной задачей первых пятилеток являлось построение фундамента социалистической экономики СССР. При этом главный упор делался на тяжелую ин-

дустрию: машиностроение, производящее машины и механизмы, необходимые всем отраслям народного хозяйства, в частности — и для легкой промышленности.

Акцентируя внимание на развитии тяжелой, как главного звена, Коммунистическая партия и Советское правительство не выпускали из поля зрения и легкую промышленность. XVI съезд ВКП(б), определяя задачи, на которых ЦК партии должен был сосредоточить свое внимание в работе по социалистической индустриализации страны, в их числе назвал и развитие легкой промышленности. Да это и понятно, поскольку она играла важную роль в проведении индустриализации, в общем подъеме экономики страны и жизненного уровня трудящихся. В документах первого пятилетнего плана ей отводилось важное место. Намечалось строительство заводов по производству технического оборудования именно для легкой промышленности. Началось возведение в непосредственной близости к сырьевым ресурсам новых предприятий текстильной, швейной, обувной и других отраслей, создание и укрепление сырьевой базы, коренная реконструкция существующих фабрик.

Одним из районов, который располагал богатыми ресурсами сельскохозяйственного сырья, был Казахстан. Здесь вскоре развернулось строительство крупных предприятий легкой промышленности. Таких, как швейная и обувная фабрики в Алма-Ате, кожевенный завод в Семипалатинске, хлопкоочистительные заводы в Чимкенте, Джаркенте и Пахта-Арале, а действующие, в их числе и Каргалинская суконная, подверглись реконструкции. Однако, несмотря на некоторое упорядочение ее хозяйства в восстановительный период, к началу первой пятилетки она все еще находилась в весьма сложном положении. Кроме изношенности оборудования, мощности отделений (цехов) уже не соответствовали требованиям времени. Например, сушильное и красильное отделения оставались исключительно на уровне кустарных, давно изживших себя подразделений. При таком положении дальнейшая эксплуатация фабрики затруднялась. Назревала необходимость генеральной реконструкции. В этом был резон, поскольку предприятие располагалось в богатом шерстью районе, имело неплохой рынок сбыта. Не надо забывать и о том, что фабрика являлась единственным текстильным предприятием в Казахстане, выработывавшим шерстяные ткани.